

**ПРОБЛЕМА «БАЛТИЙСКОГО ЛОКАРНО»
В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ
СКАНДИНАВСКИХ СТРАН В 20–30-е гг. XX в.**

Скандинавские страны объединяет не только географическое положение, но и историко-экономическое развитие, близость языков и культур. Осуществление в течение длительного времени политики нейтралитета, продолжительное сохранение мира — все это наложило глубокий отпечаток на психологию широких слоев населения, породило в общественном сознании традиции пацифизма. В 1920-е гг. все еще были живы впечатления об ужасах I мировой войны, поэтому в общественном сознании скандинавских стран значительное внимание уделялось проблемам обеспечения международной безопасности. Сразу же после войны большие надежды возлагались в Европе на систему мирных договоров, заключенных по итогам Парижской конференции 1919 г., но уже в середине 20-х гг. стало очевидным, что необходимы дополнительные международные гарантии, которые обеспечили бы неприкосновенность послевоенных границ в Европе. Символом таких гарантий явились Локарнские соглашения. По аналогии с ними пытались решить проблемы своей безопасности Восточная Европа и Балтийский регион. Они рассчитывали получить от великих держав гарантии сохранения своего суверенитета или международного статуса. Малые страны не обладали достаточными возможностями, чтобы обеспечить решение этих проблем самостоятельно. Ведь даже Франция предпочла заручиться поддержкой со стороны Великобритании против быстро восставшавшейся Германии. В глазах общественного мнения это было достаточным аргументом в пользу поиска соответствующих решений средствами внешней политики. Так родились идеи заключения «Восточного Локарно» и «Балтийского Локарно». В первом случае речь шла о гарантиях нерушимости границ восточных соседей Германии со стороны великих держав. Во втором — об обеспечении стабильности международных отношений в регионе и сохранении суверенитета малых стран. Несмотря на стремление общественности скандинавских стран сохранить статус-кво в Балтийском регионе, не допустить втягивания этих государств в возможный военный конфликт в Европе, способы решения проблемы представлялись обществу по-разному.

Наиболее пассивно относились к обеспечению международной безопасности в Дании. Общественность страны в своем подавляющем большинстве считала, что Дания не в состоянии самостоятельно обеспечить собственный суверенитет. Поэтому Дании во внешней политике не следует проявлять активность и необходимо во всем положиться на волю великих держав. Идея заключения «пакта безопасности» на Балтике не получила широкой поддержки в этой стране, поскольку предполагала активное сотрудничество государств региона против возможного агрессора. По существу, такая позиция способствовала принятию Гитлером решения о ликвидации датского государства. В узком кругу «руководитель третьего рейха» говорил, что он не отдаст приказа о начале военных действий до тех пор, пока не убедится, что у противника сломлена воля к сопротивлению¹.

Особенно активно идея «Балтийского Локарно» обсуждалась в шведском обществе. Предполагалось, что это будет система региональной коллективной безопасности, которая позволит ее участникам играть более активную роль на международной арене, опираясь на согласованную внешнюю политику. В оптимистическом варианте такая региональная система должна была выполнять сдерживающую функцию относительно возможного возмутителя спокойствия на Балтике и обеспечивать самостоятельный статус скандинавских стран на международной арене. Согласно другой трактовке идеи «Балтийского Локарно», региональное соглашение должно было получить дополнительные гарантии со стороны великих держав, прежде всего Великобритании. И в этом случае предполагалось, что такие гарантии будет легче получить, так как и крупные игроки на международной арене будут заинтересованы в том, чтобы опереться не на отдельные страны, а на соглашение государств, представляющих целый регион. В то же время в прессе высказывалось мнение, что даже при получении каких-либо гарантий трудно рассчитывать, что другие страны будут воевать за сохранение шведского нейтралитета. А именно на это полагалась шведская общественность, предлагая заключение «Балтийского Локарно»². После прихода к власти в Германии нацистов в шведском обществе усиливаются антифашистские настроения. Научные и культурные связи Швеции перестраиваются в пользу англо-саксонских стран и СССР, сотрудничество с немецкими интеллектуалами и художниками во второй половине 1930-х гг. сводится к минимуму³.

Глубокое разочарование в интеллектуальной среде Швеции вызвали неудачное осуществление политики невмешательства в испанские события и

умиротворение Германии в связи с чехословацкой проблемой, которые проводились под знаменами «всемирной пацификации» и предотвращения новой мировой войны. Интеллектуальная активность все больше скатывалась в сферу политических страстей. Отчасти этот процесс был вызван стремлением политиков направить интеллектуальное сотрудничество в выгодное для них направление, разрушая тем самым созидательный потенциал международного обмена. В 1935 г. Р. Роллан писал об обстановке, сложившейся в «Лиге умов»: «По молчаливому сговору из этих учреждений были устранены все независимые деятели, от которых можно было ожидать разговора начистоту, зато туда нахлынули представители махрово-реакционных интеллигентов вкупе с представителями нейтральной мысли, которым платили академическими титулами за молчание»⁴. Результаты не замедлили сказаться. В ходе дискуссий второй половины 1930-х гг. иссякает источник новых идей, но активно идет процесс приспособления концепций «всемирной пацификации» к нуждам текущей политики.

Попытки политических сил манипулировать международным интеллектуальным сотрудничеством в межвоенный период породили тенденции к разрушению этого движения. Они проявились в росте пессимистических настроений среди представителей творческих слоев мировой общественности относительно возможности предотвратить надвигающуюся войну, ослаблении интеллектуальных усилий в поиске новых путей общественного развития и обеспечения международной безопасности, стремлении к автаркии и разочаровании в самом международном сотрудничестве.

В норвежском общественном мнении идея «Балтийского Локарно» рассматривалась прежде всего как возможность на основе соглашений с ведущими европейскими державами, главным образом Великобританией, получить гарантии территориальной целостности и сохранения суверенитета страны. Считалось, что региональное политическое соглашение будет целесообразным, если его поддержат великие державы, обладающие наибольшим потенциалом. Поэтому в общественном сознании Норвегии могли складываться симпатии или антипатии к различным странам, но выбор гаранта всегда осуществлялся с учетом реальной военно-экономической мощи возможного партнера⁵.

Проблема, однако, состояла в том, что страны региона видели в качестве гаранта их безопасности разных кандидатов. Если скандинавские страны делали свой выбор в пользу Великобритании, то Финляндия и Польша предпочитали сотрудничество с Германией, а республики Прибалтики пос-

тоянно колебались между СССР и Германией. Все это многообразие общественных предпочтений в регионе Балтийского моря делало проблему «Балтийского Локарно» трудноразрешимой на практике.

Обострение международной обстановки и резкое возрастание угрозы новой войны в Европе заставили народы малых государств обратить свои взоры к России. Бурный рост военно-экономической мощи СССР, социально-политическая сплоченность советского общества, достигнутая пусть даже сталинскими методами, резко контрастировали со слабой политической волей западных демократий противодействовать фашистскому милитаризму и росту угрозы агрессии со стороны Германии. Эта тенденция нашла отражение в общественном сознании скандинавских стран начиная с середины 1930-х гг. Эти особенности скандинавских стран сказывались на политических и культурных отношениях с советской страной. В отдельные периоды в разных странах этого региона развитие отношений с СССР осуществлялось с разной степенью интенсивности и на основе различной мотивации.

В Дании в 1920-е гг. общественное мнение относительно СССР характеризовалось резкой поляризацией. С одной стороны, существовало устойчивое негативное отношение к революции в России и советскому эксперименту. Либерально-консервативное большинство было готово приветствовать максимальное ограничение контактов с СССР. Но оно вынуждено было считаться с настроениями в среде датских интеллектуалов, таких как Нильс Бор или Мартин Андерсен-Нёксе, а также социал-демократов, выступавших за расширение отношений с СССР⁶. В датском обществе интерес вызывала не только русская классическая культура, но и произведения Ф. Гладкова, М. Панферова, М. Шолохова и других советских писателей. В Королевском театре в Копенгагене шла пьеса советского автора В. Киршона «Хлеб» (1934 г.). В датском обществе резко возрос интерес к нашей стране в 1936–1937 гг. Сообщения в прессе о политических репрессиях в СССР воспринимались в широком общественном сознании как свидетельства внутривнутриполитической борьбы. Значительно большее внимание привлекли сообщения о высоких темпах индустриализации и возрастании военно-экономической мощи советской страны, о развитии системы здравоохранения и искоренении социальных болезней, охраны материнства и детства, развитии системы социального и пенсионного обеспечения. Определенный отклик в прессе получили аналитические сообщения о взаимосвязях русской и датской литератур, выставка детской книги и доклад о ней⁷. В Дании довольно широко отметили «Пушкинские

дни». В собрании, состоявшемся 8 марта 1937 г. в офицерском клубе Копенгагена, приняли участие представители практически всех элит датского общества: политики, бизнесмены, военные, ученые и деятели художественной культуры. Присутствовали представители правительства. В фойе располагалась выставка, посвященная А.С. Пушкину, преобразованная затем в экспозицию Королевской библиотеки. Зрительный зал, вмещавший 400 зрителей, был переполнен. Доклад сделал поэт и литературный критик О. Галстед. 10 февраля датское радио передало выступление известного писателя Томансена, посвященное памяти А.С. Пушкин⁸. Изменившиеся настроения свидетельствовали о том, что возрастающая угроза войны в Европе заставляла датское общество искать разнообразные пути обеспечения международной безопасности страны.

В шведском обществе отношение к советской России складывалось под впечатлением призыва ко всеобщему и демократическому миру. Стремление как можно быстрее прекратить войну соответствовало господствовавшим в нейтральной Швеции пацифистским настроениям. Все это позволило уже в 1918 г. наладить отношения представителей Швеции и большевистской России. Лишь под давлением Антанты они были прекращены, но в 1924 г. страны установили дипломатические отношения⁹. В шведском обществе возник интерес к сотрудничеству с СССР, который поддерживался вплоть до 1930 г. Жестокие методы коллективизации, широко развернувшейся зимой и весной в СССР, вызвали решительное осуждение со стороны шведской общественности, и интерес к сотрудничеству Швеции с нашей страной практически больше не проявлялся¹⁰. Только в марте 1935 г. по инициативе группы шведских ученых состоялось открытие «Общества для поощрения культурных и научных связей между Швецией и Советским Союзом». Помимо организации сотрудничества общество ставило своей задачей популяризацию успехов народов СССР. Среди его членов были исследователь Арктики Альман, лауреат Нобелевской премии химик Т. Сведберг, профессор медицины И. Хольмгрен, член парламента социал-демократ Г. Брантинг, писатели, ученые, артисты, представители финансовых и промышленных кругов¹¹. Эта тенденция получила развитие в 1936 г. В апреле этого года А.М. Коллонтай писала о том, что среди «радикальной интеллигенции Швеции, несомненно, намечается усиливающийся рост симпатий к СССР. Это сказывается в составе групп туристов, едущих в Союз (технические и научные силы, студенчество, общественные и коммунальные деятели и пр.), в тоне прессы, в закреплении общества культурных связей»¹². Шведов интересовал

тот же круг вопросов, что и датчан. Внимание общественности в Швеции вызвало принятие Конституции в СССР. Конституция СССР была переведена на шведский язык¹³. По сообщениям А.М. Коллонтай, в Швеции с большим успехом прошли «Пушкинские дни»¹⁴. С большим интересом следила общественность Швеции за советской экспедицией на Северный полюс. Показателем повышенного внимания к СССР явилось отношение к выступлению в сентябре 1937 г. советского электротехника Г. Графтио о советских гидростанциях на Всемирном электротехническом конгрессе. На него пришло необычайно много народа: деятели науки и техники, директора предприятий и госучреждений, специалисты по электрификации и гидравлическим сооружениям¹⁵. Скандинавская общественность с глубокой симпатией относилась к антифашистской направленности советского искусства. Так, большой интерес вызвал просмотр советского фильма «Профессор Мамлок», устроенный в декабре 1938 г. Присутствовавшие на просмотре зрители бурными аплодисментами встречали сюжеты, где нацистам «приходилось туго»¹⁶.

Со второй половины 1930-х гг. внимание шведского общества привлекает внешнеполитическая деятельность советского государства. Отражением настроений того времени явилась мысль, высказанная известным шведским социал-демократическим публицистом: «Как ни вертись, факт остается фактом, что в настоящее время малые народы живут под защитой советских штыков»¹⁷. В общественном сознании Швеции все более утверждается мысль о том, что Советский Союз является наиболее надежным элементом сдерживания гитлеровской агрессии в Европе.

Общественное мнение в Норвегии относительно СССР развивалось аналогично шведскому. На него большое влияние оказывали члены группы «Мут даг», объединявшей представителей левой интеллигенции Норвегии, а также Норвежская рабочая партия¹⁸. Важную роль в развитии связей с советской общественностью в эти годы сыграл президент Академии наук Норвегии Хальфдан Кут, видный исследователь средневековья, высоко ценивший достижения советских ученых, с симпатией следивший за развитием культуры в СССР¹⁹. Норвежское общество культурного сближения с СССР в 1930-е гг. объединяло весьма значительные круги общественности и располагало немалыми возможностями. В норвежской прессе широко публиковались отзывы о художественных и социальных выставках из СССР. Популярностью пользовались организованные советским постпредством демонстрации советских фильмов, которые не шли в прокате²⁰. Со вниманием были встречены в Норвегии статьи известного

норвежского писателя Нурдаля Грига о театральной жизни в СССР и журналиста Арне Эстведта о советской музыке. Была организована поездка представителей скандинавского искусства на театральную неделю в Москву в июне 1933 г. В состав группы вошли Х. Серенсен, режиссер и актриса Агнес Мовинкель, поставившая на норвежской сцене «Ингу» Глебова, директор Центрального театра Отто, редакторы ряда журналов, а также известные шведские актрисы Паулина Бруниус и Молли Фаустман. В волнующее событие вылился вечер 11 февраля 1937 г., посвященный памяти А.С. Пушкина, который был проведен в Осло, в университетской библиотеке столицы открылась выставка, посвященная русскому поэту, которая действовала в течение шести недель и пользовалась популярностью у посетителей. Вечером 11 февраля в актовом зале университета состоялось собрание общественности. На нем присутствовал министр иностранных дел Х. Кут, деятели науки и искусства. Пушкинской теме была посвящена передача на норвежском радио²¹.

Все это свидетельствует, что общественность в скандинавских странах была заинтересована в развитии и укреплении отношений с нашей страной. В орбиту этих настроений было вовлечено немало влиятельных политических деятелей, которые высоко оценивали советскую инициативу по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Но при этом они предпочитали не проявлять самостоятельности, доверяясь ведущим державам Западной Европы и рассчитывая с их помощью остаться в стороне от грядущих потрясений.

В общественном сознании скандинавских стран эта позиция определялась представлением о своей принадлежности к западной цивилизации. Считалось невозможным действовать вопреки внешнеполитическому курсу ведущих западно-европейских государств даже тогда, когда он представлялся скандинавской общественности неэффективным. Другим сдерживающим фактором в интеллектуальной среде было распространенное представление о необходимости удержаться от двух крайностей: фашизма и социализма. Эти представления подогревались, по мнению А.М. Коллонтай, антисоветской пропагандой, ссылавшейся на репрессивную практику в СССР и Германии²². Однако анализ общественного мнения в скандинавских странах в 1920–1930-е гг. показывает, что не антикоммунизм был основой отчужденности значительной части интеллигенции европейских стран. Фашизм отвергался ею по своей сути. Созидательные тенденции в СССР всегда встречали поддержку и понимание интеллигенции, но непреодолимый нравственный барьер на пути политического сотрудни-

чества возводила репрессивная практика сталинизма. Пропаганда в данном случае не играла существенной роли, ибо в интеллектуальных кругах уже тогда против нее сложился достаточно стойкий иммунитет.

***

- ¹ Sheel K. Krieg über Atherwellen. Berlin, 1970. S. 76.
- ² Кан А.С. Новейшая история Швеции. М., 1969. С. 146–149.
- ³ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 225–226.
- ⁴ Роллан Р. Собр. соч.: В 14 т. М. Т. 13. С. 27.
- ⁵ Государственный архив Российской Федерации (Далее — ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 5. Д. 43. Л. 8; Д. 418. Л. 1, 86; Д. 429. Л. 6.
- ⁶ Иоффе А.Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932 гг. М., 1975. С. 100.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 366. Л. 61, 62.
- ⁸ Там же. Оп. 1. Д. 218. Л. 46; Оп. 5. Д. 377. Л. 12.
- ⁹ Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Л., 1969. С. 421.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 9. Д. 46. Л. 23.
- ¹¹ Там же. Оп. 5. Д. 540. Л. 40.
- ¹² Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 225–226.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 540. Л. 8, 35; Д. 546. Л. 44, 58.
- ¹⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1976. Т. 20. С. 455.
- ¹⁵ Там же. Т. 19. С. 500–501; Т. 20. С. 293–295; М., 1977. Т. 21. С. 233.
- ¹⁶ Там же. Т. 20. С. 455.
- ¹⁷ Цит. по: Кан А.С. Указ. соч. С. 149.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 43. Л. 8.
- ¹⁹ Там же. Д. 429. Л. 6.
- ²⁰ Там же. Д. 418. Л. 1, 86; Оп. 2. Д. 186. Л. 1–7.
- ²¹ Там же. Оп. 1. Д. 219. Л. 46; Оп. 5. Д. 418. Л. 1–2; Д. 517. Л. 17.
- ²² Российский архив социально-политической истории России. Ф. 134. Оп. 1. Д. 260. Л. 6.